

УДК 327:329.3

DOI: 10.36979/1694-500X-2024-24-11-202-208

РЕЛИГИЯ В КОНТЕКСТЕ ИГРЫ С НЕНУЛЕВОЙ СУММОЙ НА МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ

А.А. Салиев

Аннотация. Рассматривается обоснование тезиса о том, что религия не является фактором мировой политики, будучи инструментом политических акторов. Доказательная база обозначенного аргумента выстраивается во фреймах теории игр с ненулевой суммой, согласно которой политические акторы являются рациональными игроками и в условиях анархии системы международных отношений стремятся к установлению Эквилибриума Нэша. Последний исключает межгосударственное сотрудничество, которое обеспечивает максимальную выгоду для всех вовлеченных сторон, но не приводит к прямому столкновению сторон, подрывающее их национальную безопасность. Проведенный в контексте данной теоретической призмы анализ научной литературы о роли религии в мировой политике (католицизма и ислама) в исторической ретроспективе свидетельствует о том, что: а) религия используется политическими акторами, лишенными моральной принципиальности, в качестве инструмента реализации прагматичных интересов; б) экстремистские религиозные организации не могут представить альтернативную концепцию мирового устройства, адаптируясь к последнему, манипулируя насущными проблемами одних государств в пользу других.

Ключевые слова: религия; политический актор; католическая церковь; исламизация радикализма; исламисты.

ДИН ДҮЙНӨЛҮК САЯСИЙ АРЕНАДАГЫ НӨЛДҮК ЭМЕС ОЮНДАРДЫН КОНТЕКСТИНДЕ

А.А. Салиев

Аннотация. Макала дин дүйнөлүк саясаттын фактору эмес, саясий актерлордун куралы болуп саналат деген тезисти негиздөөгө арналган. Берилген аргументтин далил базасы нөлдүк эмес оюн теориясынын контекстинде курулган, ага ылайык саясий актерлор рационалдуу оюнчулар болуп саналат жана эл аралык системанын анархиясынын шарттарында Нэш Эквилибриумун орнотууга умтулушат. Акыркысы бардык катышуучулар үчүн пайда алып келе турган мамлекеттер аралык кызматташууну жокко чыгарат, бирок алардын улуттук кызыкчылыктарына шек келтирсе турчу түздөн-түз кагылышууга алып келбейт. Мына ушул теориялык призманын контекстинде тарыхый ретроспективада жүргүзүлгөн дүйнөлүк саясаттагы диндин (католицизмдин жана исламдын) таасири тууралуу илимий адабияттарды талдоо төмөнкүлөрдү күбөлөндүрөт: а) дин моралдык принципалдуулугу жок саясий актерлор тарабынан прагматикалык кызыкчылыктарды ишке ашыруу куралы катары колдонулат; б) экстремисттик диний уюмдар дүйнөлүк түзүлүшкө адаптациялашып, бир мамлекеттин орчундуу маселелерин башка мамлекеттердин пайдасына манипуляциялоо жолу менен дүйнөлүк түзүлүштүн альтернативдүү концепциясын сунуштай алышпайт.

Түйүндүү сөздөр: дин; саясий актор; католик чиркөөсү; радикализмди исламдаштыруу; исламчылар.

RELIGION IN THE CONTEXT OF A NON-ZERO-SUM GAME IN THE WORLD POLITICAL ARENA

A.A. Saliev

Abstract. The article substantiates the argument that religion is not a factor in world politics by its own, being an instrument of political actors. The argumentation is built in the framework of non-zero-sum game theory, according to

which political actors are rational players and in the circumstances of the anarchical system of international relations seek to establish a Nash Equilibrium. The latter excludes interstate cooperation, which provides maximum benefit for all parties involved, but does not lead to a direct clash between the parties, which undermines their national security. Provided analysis of academic literature on the role of religion in the world politics (Catholicism and Islam) in historical retrospect, carried out in the context of this theoretical prism, indicates that a) religion is used by political actors for self-identification on the world arena while maintaining the behavioral strategy of a rational actor devoid of moral principles; b) extremist religious organizations cannot present an alternative concept of the world order adapting to the latter, manipulating the pressing problems of some states in favor of others.

Keywords: religion; political actor; Catholic Church; Islamization of radicalism; Islamists.

После окончания холодной войны процессы религиозного ренессанса на фоне активизации экстремистских религиозных, главным образом исламистских, группировок, а также актуализация напряженности между государствами, отличающимися как конфессиональным большинством, так и внутриконфессиональными различиями внутри этого большинства, определили популярность в научной литературе дискурса о роли религии в мировой политике в негативном контексте сворачивания глобального процесса секуляризации [1, с. 161]. При этом ключевым аргументом в этом отношении выступили искусственно выведенные каузальные связи между приоритизацией индивидами своей религиозной идентичности и превращением религии в идеологию в политическом измерении. В качестве фундаментального труда в этом отношении выступает «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона, указывающего на неизбежность прихода к власти исламистов в странах с мусульманским большинством населения, что, по его мнению, актуализирует угрозы военного столкновения мусульман с представителями других цивилизаций [2, с. 119].

В статье обосновывается тезис о том, что религия / религиозная идентичность не является причиной конфликтов на мировой арене, а используется политическими акторами в качестве механизма: а) идентификации – политизация религии; б) идеологизации применяемых насильственных средств. Следовательно, религия может быть важным мотивирующим фактором вступления в конфликт, инструментом обоснования радикализма, но она не является причиной конфликтной ситуации, переплетаясь с рядом экономических, политических и социальных факторов, которые определяют, провоцируют и поддерживают конфликты [3].

В целях обоснования выдвинутого тезиса теоретическим фреймом статьи была использована теория игр, согласно которой политические акторы характеризуются рациональностью, просчитывая внешнеполитические стратегии исходя из принципа максимизации своей выгоды. При этом опция кооперации, выступая наиболее выигрышной для всех сторон взаимодействия, отвергается ими в пользу достижения Эквilibриума Нэша, при котором готовность к конфронтации при минимизации ее имплементации является наиболее рациональным решением [4, с. 48] в условиях анархичного характера системы международных отношений, не имеющей единого центра генерирования унифицированных норм поведения.

Методологически статья опирается на проведенный анализ вторичных источников из категории научной литературы (статьи и монографии), посвященных теме религии в мировой политике и геополитике. Полученные результаты определили концепцию структурирования статьи: за аргументами, обосновывающими использование религии акторами мировой политики в утилитарных целях в исторической ретроспективе, следует анализ логики обоснования религией радикальных насильственных действий на примере функционирования исламистских организаций через призму концепции исламизации радикализма, разработанной французским ученым О. Руа.

Политизация религии. Решающим водоразделом между политикой, определяемой в веберовском стиле монополией на легитимное насилие, и религией как системой теологических и этических идей, представленных на личностном уровне [5, с. 4], состоит в том, что первая регламентирует отношения в материальном мире человеческого разума, а вторая – в трансцендентном измерении морально-нравственных

норм и духовности [6, с. 192]. Точкой пересечения данных измерений является понятие легитимации – получение политическими акторами общественного согласия на отправление власти (на монополию насилия) ввиду опоры на общепринятые ценности [7, с. 35]. В роли последних выступают религиозные нормы, которые, соответственно, позволяют проводить различия в дихотомии «свой – чужой», «друг – враг», что, используя терминологию К. Шмита, является сферой политического [8, с. 38].

В исторической ретроспективе отношения между религией и государством были тесно связаны с момента их возникновения. При этом ряд экспертов утверждают, что до подписания Вестфальского мира, рассматриваемого в качестве точки отсчета оформления системы национальных секулярных государств в Европе, модель которых получила распространение по всему миру, религия выступала фактором, определяющим внутривнутриполитическую конъюнктуру европейских государств, а также межгосударственные отношения, аргументируя данный тезис двумя фактами: а) легитимностью европейских королей, которая обуславливалась согласием на их правление со стороны католической церкви; б) организацией крестовых походов, которые определяли агрессивную внешнюю политику европейских государств в XI–XII вв. [1, с. 162]. Соответственно, Реформация и последующая Тридцатилетняя война, результировавшая в подписание Вестфальского мира, разграничившего сферы религии и политики в рамках национальных суверенных государств, интерпретируются как условия, детерминировавшие утрату религией влияния на внутривнутригосударственные и межгосударственные отношения.

Данный аргумент представляется целесообразным опровергнуть в части акторности религии до установления Вестфальской системы международных отношений посредством его интерпретации не с позиции противопоставления религии как трансцендентного феномена и политических акторов, действующих в условиях материального мира, а в контексте использования религии самой католической церковью, выступавшей в средневековой Европе важным политическим актором. Иными словами,

сфокусироваться на «религиозной власти», поскольку религия как нормативный фактор априори не может быть фактором разжигания конфликтов и продвижения принципа, выведенного Н. Макиавелли – «цель оправдывает средства» [9, с. 69]. В теории игр религиозные нормы должны быть теми правилами, которые соблюдают все участники и, соответственно, выбирают наиболее выгодную стратегию поведения – сотрудничество.

В этом контексте крестовые походы, по сути, использовались католической церковью с целью отвести возникающую конкуренцию и агрессию между лордами и королями в область, где они не могли причинить вреда ее правлению и собственности [6, с. 193]. Иными словами, эти походы создавали и поддерживали Эквilibrium Нэша. В свою очередь, Тридцатилетняя война отразила квинтэссенцию сложных противоречий в Европе XVII в., которые были основаны на взаимосвязях между суверенитетом европейских феодалов в рамках системы вассалитета, с одной стороны, и стремлением католической церкви восстановить свои позиции в качестве транснационального актора в Европе после Реформации, с другой стороны [10, с. 72]. Таким образом, с точки зрения значимости религиозного фактора на мировой арене, Версальский мир не определил окончание эпохи доминирования религии в системе международных отношений Европы, а ознаменовал крах теократической и иерархической европейской системы взаимодействия государств, которая была практически монополизирована католической церковью, и аннулировал двойную лояльность европейских правителей церкви и своим сеньорам, создав новую эгалитарную и анархическую систему международных отношений, основанную на внутреннем и внешнем суверенитете европейских государств [11, с. 576].

В свою очередь, в качестве примеров актуализации значимости фактора религии в системе международных отношений в XX в. ряд ученых приводят, в частности, иранскую революцию и палестино-израильский конфликт. Одной из первых научных работ, которая подготовила почву для таких рассуждений, стала статья С. Хантингтона в *Foreign Affairs* «Столкновение

цивилизаций?», логика аргументирования которой выстраивается вокруг тезиса о том, что времена конфликтов между национальными государствами и идеологиями прошли, и человечество живет в эпоху растущей напряженности и прямых столкновений между цивилизациями, основное различие которых составляют религиозные предпочтения людей [12, с. 25].

Следует подчеркнуть, что как набор моральных ценностей религия может мотивировать, но не мобилизовать людей. Предполагается, что у мобилизации есть инициаторы, которые, в зависимости от складывающейся конъюнктуры, вдохновляют людей защищать свои религиозные ценности и свою религиозную общину. В частности, в Иране, как отмечает М. Нафисси, риторика главного оппонента шаха Резы Пехлеви Аятоллы Рухоллы Хомейни о системе государственного управления в значительной степени зависела от изменения масштабов и настроений народной поддержки [13, с. 121]. В 1940-х гг., когда люди были твердо настроены на сохранение светского правления, он утверждал, что необходимо управлять государством в соответствии с законом Божьим, который отвечает интересам как народа, так и государства, но это не означало, что правителями должны быть юристы-ученые исламского права. Однако в 1970-х гг. на фоне массового разочарования в светском правительстве шаха Пехлеви Хомейни заявил, что только юристы-шииты могут управлять справедливым государством [13, с. 119].

Данные внутривластные процессы повлияли на имидж Ирана на международной арене, но не изменили его сущности как независимого актора, не став отправной точкой для трансформации системы международных отношений. Используя терминологию теории игр, Исламская Республика Иран осталась рациональным актором, действующим в условиях анархии системы международных отношений в соответствии с принципом достижения Эквигриума Нэша. Международная политика, проводимая иранскими священнослужителями, редко определяется теологическими предписаниями или религиозной доктриной – расчет делается на сохранение влияния в регионе [14, с. 184]. В частности,

Дж. Хейнс и М. Аюб объясняют враждебность новых революционных властей Ирана по отношению к странам Запада как реакцию на их колониальную политику в XX в. и доминирование неолиберального контроля в настоящее время, что воспринимается большинством мусульман как проявление несправедливости и неравенства, но не как влияние христианства, которое исповедует большинство населения европейских стран и США [15, с. 164; 16, с. 164]. В свою очередь, введенный режим санкций против Ирана, оправдывается главным образом его ядерной программой, представляющей значительную угрозу безопасности трансатлантического блока, а не религиозным портретом иранского политического режима [17, с. 117].

Следовательно, интерпретировать такие конфликты как коренящиеся в религиозных различиях или подразумевать, что теологические или доктринальные различия являются основными причинами конфликтов, значит упрощать систему межгосударственного взаимодействия. Примером такого упрощения является выведение в качестве причины арабо-израильского противостояния религиозную принадлежность населения противостоящих сторон. Несостоятельность данного тезиса в полной мере проявляется в настоящее время, когда арабские государства, традиционно оказывавшие поддержку палестинской стороне в периоды эскалации напряженности в отношениях с Израилем, не сформировали единый фронт после начала военных действий в октябре 2023 г. на фоне подписанных соглашений о нормализации отношений между Израилем и Объединенными Арабскими Эмиратами, между Израилем и Бахрейном. Таким образом, в терминологии теории игр перечисленные арабские государства, дистанцируясь от конфликта, отказываясь проявлять солидарность с единоверцами, следуют стратегии максимизации своей выгоды. Соответственно, в системе международных отношений фактор религии имеет для политических акторов утилитарный характер, а его актуализация имеет конъюнктурное значение.

Религиозное обоснование радикализма. Вторая волна научной литературы, посвященной возрастающей роли религии в мировой

политике, появилась на фоне террористических актов 11 сентября 2001 г., которые детерминировали дискурсивную секьюритизацию ислама как вероучения в духе концепции С. Хантингтона и акторности исламистских организаций в мировой политике. Известный французский ученый О. Руа на основе своих полевых исследований, главным образом, мусульманских общин во Франции представил альтернативную концепцию, утверждая, что терроризм и джихадизм не имеют своим источником так называемый «радикальный» ислам, а являются результатом «исламизации радикализма» [18, с. 6]. Иными словами, ислам как вероучение не содержит радикальных идей, но он используется радикально настроенными индивидами. Как правило, причиной обращения последних к религии в целом и к исламу в частности выступает отсутствие четкой артикуляции представлений о своем месте в социуме, невозможности интегрироваться в общество, отсутствие чувства «социальной принадлежности» [19, с. 6]. Согласно О. Руа, различающего исламистов-террористов и исламистов-джихадистов, цель первых состоит в том, чтобы оправдать насильственные действия догмами ислама, а вторых – в результате ведения «священной войны» стать «новым мусульманином» – «глобальным мусульманином», не имеющим этнических, национальных, семейных связей, который может свободно исповедовать «чистый ислам» в исламском халифате [18, с. 14, 17].

При этом факт использования ислама для оправдания насильственных действий или «священной войны» не означает, что террористы и джихадисты имеют глубокие знания религиозных текстов и опираются в своих рассуждениях на непротиворечивую доктрину. Исламистами не становятся в результате неправильного прочтения религиозных книг – они оперируют религиозной терминологией и вырванными из дискурсивного контекста короткими цитатами из сур или хадисов [18, с. 43]. Как отмечает М. Сейджман, большинство лидеров исламистских группировок не имеют официального религиозного образования, занимаясь самообразованием и, по сути, находясь на одном уровне религиозных познаний, что и любой светский человек.

Так, он приводит в пример Усама бен Ладена, который носил почетный титул «шейха», будучи при этом инженером по образованию [19, с. 37, 43].

Соответственно, главным аттрактивным инструментарием исламистских группировок выступает не религия как идеология, не цивилизационная принадлежность, а актуализация социально-психологических проблем потенциальных адептов: а) государство не решает их проблемы, оставляя их на периферии развития; б) государство не разрешает им быть «настоящими мусульманами» путем введения запретов на определенный вид объективации религиозности [20, с. 74]. В свою очередь, это обуславливает использование социальных сетей при рекрутировании новых членов: большинство индивидов вовлекаются в исламистские группировки через знакомых, друзей, родственников, поскольку это создает необходимое им чувство принадлежности к определенной социальной группе, разделяющей общие социальные проблемы [21, с. 41]. Иными словами, исламисты не могут инициировать конфликты, напряженность на мировой арене, применяя исключительно положения исламского вероучения. Они используют последние в качестве нарратива для уже существующих конфликтогенных ситуаций.

Вместе с тем, с точки зрения трансформации системы международных отношений на основе религиозных принципов исламистские организации не предлагают радикально иную модель общественного или государственного устройства, оперируя лишь необходимостью установления шариата, превращая таким образом идею теократического мирового порядка в симулякр. Более того, существует неразрешимое противоречие в главном месседже исламистов: глобальный исламский халифат может быть построен только правоверными мусульманами, которые, в свою очередь, могут быть воспитаны в рамках исламского государства [14, с. 10]. Данная специфика исламистского дискурса обуславливает локализацию исламистских группировок в аспекте их «паразитирования» на социально-психологических проблемах потенциальных адептов, которые в их презентации не существуют в халифате [19, с. 144]. Именно

локализация обусловила успешность Исламского государства в рекрутировании адептов по всему миру: апеллирование к проблемам в стране, решение которых возможно путем борьбы с «дальним врагом» на стороне «исламского государства», формирующего «правоверных» мусульман [22, с. 77].

При этом исламистские группировки зачастую спонсируются государствами, воспроизводя весь спектр противоречий между последними и подчиняясь цели ослабления стратегических противников этих государств в дискурсе исламских догм. В качестве примера использования экстремистских группировок в противодействие своему региональному визави можно привести противостояние Ирана и Саудовской Аравии [14, с. 108]. Индифферентность Саудовской Аравии в отношении нынешнего обострения палестино-израильского конфликта можно объяснить поддержкой ХАМАС Ираном, что предполагает при активных действиях Эр-Рияда рост напряженности с Тегераном и соответственно, на Ближнем Востоке в целом, что в терминах теории игр является невыгодным сценарием развития событий для обеих сторон в результате разрушения существующего Эквilibриума Нэша.

Таким образом, государства по-прежнему являются основными акторами системы международных отношений, проблемы в функционировании в которых могут обуславливать актуализацию политическими акторами религиозного дискурса, обуславливающего характер международного имиджа страны. При этом, религия не является самостоятельным фактором мировой политики и не детерминирует направления внешнеполитического курса государств. Политические акторы выступают рациональными игроками, для которых максимизация выгоды предполагает движение к установлению Эквilibриума Нэша, исключаяющему как прямое столкновение между государствами ввиду наличия общих интересов в обеспечении национальной безопасности, так и взаимовыгодную кооперацию ввиду отсутствия универсальных правил игры. Как показал ретроспективный анализ, религиозные догмы не являлись общепринятыми нормами поведения для политических акторов до установления Вестфальской системы

международных отношений, де-юре закрепившей за государствами статус ключевых акторов, и не стали таковыми в XX–XXI вв., поскольку на протяжении истории религия не выступала фактором мира, а использовалась государствами для максимизации своих выгод.

В свою очередь, оперирующие религией экстремистские организации, в частности, исламистские группировки: а) вовлечены в отношения между государствами; б) не располагают разработанной доктриной – набором правил и принципов для формирования альтернативной системы мироустройства ввиду отсутствия глубоких познаний положений исламского вероучения, что детерминирует и их фокус на социально-психологических проблемах потенциальных адептов, решение которых облекается в религиозный контекст.

Поступила: 01.07.24; рецензирована: 15.07.24;
принята: 17.07.24.

Литература

1. *Ayoob M. The Many Faces of Political Islam. Religion and Politics in the Muslim World / M. Ayoob. The University of Michigan Press, 2008. 232 p.*
2. *Dijkink G. Geopolitics When Geopolitics and Religion Fuse: A Historical Perspective / G. Dijkink // Geopolitics. 2006. Vol. 11. № 2. P. 192–208.*
3. *Gerges F.A. America and political Islam. Clash of Cultures or Clash of Interests / F.A. Gerges. New-York: Cambridge University Press, 1999. 282 p.*
4. *Fox J. Bringing Religion into International Relations / J. Fox, S. Sandler. New-York: Palgrave Macmillan, 2004. 212 p.*
5. *Haynes J. Religious Fundamentalists / J. Haynes // Routledge Handbook of Religion and Politics. New-York: Routledge, 2008.*
6. *Haynes J. Religion in Global Politics / J. Haynes. London; New-York, 1998. 256 p.*
7. *Huntington S. The Clash of Civilizations? / S. Huntington // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 3.*
8. *Huntington S. The Clash of Civilizations / S. Huntington. New-York: Simon&Schuster, 1996. 369 p.*
9. *Machiavelli N. The Prince / N. Machiavelli // Trans. Harvey C. Mansfield. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1998. 111 p.*

10. *Nafissi M.* Shiism and Politics / M. Nafissi // Routledge Handbook of Religion and Politics. New-York: Routledge, 2008.
11. *Philpott D.* The Challenge of September 11 to Secularism in International Relations / D. Philpott // World Politics. 2002. Vol. 55. № 1.
12. *Robinson G.E.* The Four Waves of Global Jihad, 1979–2017 / G.E. Robinson // Middle East Policy. 2017. Vol. XXIV. № 3.
13. *Roy O.* Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State / O. Roy // Trans. Cynthia Schoch. New-York: Oxford University Press, 2017. 130 p.
14. *Roy O.* The Failure of Political Islam / O. Roy // Trans. Carol Volk. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1994. 238 p.
15. *Sageman M.* Leaderless Jihad / M. Sageman. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. 208 p.
16. *Sheikh A.M.* Religion in International Relations Theory / A.M. Sheikh, S.H. Yusofi // Journal of Advances and Scholarly Researches in Allied Education. 2019. Vol. 16. № 2.
17. *Schmitt C.* The Concept of Political / C. Schmitt // Trans. George Schwab. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. 126 p.
18. *Smock D.* Religion in World affairs Its Role in Conflict and Peace / D. Smock // United States Institute of Peace Special Report. 2008. № 201. URL: <https://www.usip.org/pubs/specialreports/sr201.pdf> (дата обращения: 19.05.2024).
19. *Steiner H.* International Human Rights: Context. Law, Politics, Morals / H. Steiner, P. Alston. New-York: Oxford University Inc., 2000. 1497 p.
20. *Tucker N.* Terrorism without a God: Reconsidering Radicalization and Counter-Radicalization Models in Central Asia / N. Tucker // CAP Papers. 2019. № 225. URL: <https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2019/09/CAP-paper-225-September-2019.pdf> (дата обращения: 28.05.2024).
21. *Токсоналиева Р.М.* Информационно-идеологическое противодействие современному радикальному исламу / Р.М. Токсоналиева // Вестник КPCY. 2015. Т. 15. № 5.
22. *Zagare F.C.* Game Theory / F.C. Zagare // Security Studies: An Introduction. London and New-York: Routledge, 2008.